

ДУБНА

Десятое ноября. Семь часов утра

На экране проявилась знакомая двузубая гора Эльбрус, подтверждающая, что компьютер был создан российской компанией, мяукнуло, и экран погас.

Истомин оставил компьютер включённым, что давно вошло в привычку, кинул взгляд на искрящуюся электрическими змейками антенну накопителя, свисающую с потолка, и направился на кухню.

Жил физик один, ел мало, дома он почти ничего не готовил, разве что мог позволить себе сварить кофе или пожарить яичницу, и нормально обедал только в институте: он работал в ОИЯИ — Объединённом институте ядерных исследований.

В это утро у него прихватило сердце, и от кофе он отказался. Заварил чай — зелёный, с добавкой каркаде, съел последний пряник, запил чаем и начал собираться.

Каждый день он выходил из дома ровно в восемь часов утра, а возвращался ровно к восьми

часам вечера. Статистически это так и было: дни накапливались последовательно, пока не сложились в приличный срок — двадцать два года. Однако фактически эти двадцать два года укладывались в один день, точнее, в одни сутки, потому что Глеб Лаврентьевич добился-таки своей цели — сконструировал эн-накопитель, который и превратил его жизнь в кошмар.

Чай породил испарину на лбу.

Истомин умылся, почувствовал облегчение и таблетку нитросорбида сосать не стал. Тем более что у него не оказалось запасов сердечных препаратов. Надо было зайти в аптеку и купить всё, что было прописано доктором ещё два года назад.

Натянув серый свитер, надел сверху такой же серый пиджак, проверил наличие в карманах бумажника, флешки с текстом статьи, которую он готовил для научного журнала *New Scientist*, запаса сердечных лекарств и несколько минут потратил на надевание зимних ботинок: сердце работало с перебоями, пришлось отдыхать, сидя на стульчике у двери в прихожей.

Из дома он вышел ровно в восемь часов, забыв закрыть дверь на обыкновенный, без всякой электроники, ключ. Квартира так и осталась незапертой.

Спустившись во двор, Истомин поёжился: было ещё темно, мороза не было, но дул холодный, полный влаги ветерок, пронизывающий чуть ли не до костей, и физик плотнее запахнул полупальто.

Обычно на работу он ездил на электробусе, который останавливался аккуратно перед домом,

с другой стороны улицы. Когда-то Глеб Лаврентьевич ходил до института пешком, однако нынешнее состояние не давало ему такой возможности.

Сердце пульсировало всё сильнее, поэтому шёл Истомин медленно, подумывая, не вернуться ли домой. Но в таком случае пришлось бы ломать весь график выходов на работу, а этого делать категорически не хотелось. Не было на это ни времени, ни здоровья.

Какой-то мужчина торопливо шёл ему навстречу, миновал спотыкающегося Истомина и оглянулся.

— Глеб Лаврентьевич?

Физик остановился, узнав соседа этажом ниже.

— Серёжа?

— Что-то плохо выглядите, Глеб Лаврентьевич.

— Сердце пошаливает.

— Я бы посоветовал вам остаться дома в таком состоянии.

— Нет, мне необходимо быть в институте.

— Давайте я вас подвезу. Заскочу домой на пару минут и заберу.

— Спасибо, Серёжа, как-нибудь доберусь.

— Ну, смотрите.

Истомин поковылял дальше.

Сосед неуверенно посмотрел на него, потом побежал к подъезду.

Добравшись до стеклянной стоечки с прозрачной крышей, Истомин тяжело опустился на скамеечку, дыша как загнанный заяц. Голова закружилась. Он начал рыться в карманах костюма в поисках трубочки с таблетками.

— Вам помочь? — раздался чей-то голос.

Истомин поднял голову.

В глазах всё плыло и качалось, но он всё же увидел, что к нему обращается девушка в светленькой курточке.

— Нет-нет, спасибо, — отказался он. — Сейчас пройдёт.

Девушка отошла к ожидающим электробус пассажирам.

Истомин нащупал-таки нитроглицерин, однако сунуть таблетку в рот не успел.

В ушах родился гул, глаза перестали видеть окончательно, и перед Глебом Лаврентьевичем распахнулась тёмная бездна, пронизанная музыкальной сфер...

Когда сосед подъехал к остановке и выскокчил из машины, Истомин был уже мёртв.

МОСКВА

Девять часов утра

Утром, когда более или менее отдохнувший организм полон энергии и надежд, человек быстро включается в работу и не замечает, насколько он стар. Но к вечеру, когда из жил уходит адреналин и хочется прилечь на диванчик в укромном уголке, жизнь начинает казаться не лучшим вариантом.

Эту сентенцию, принадлежащую отцу Никифора, сын вспомнил, ещё когда вставал и заставлял себя делать зарядку.

Нет, он вовсе не был стариком в свои тридцать семь, потому что постоянно держал себя в приличной физической форме, будучи в прошлом неплохим легкоатлетом — прыгуном в длину. Дело было не в возрасте. Ночь он провёл у старшего брата Григория, уже много лет боровшегося с недугом: брата в тридцать сразил инсульт, спровоцированный ковидом, и с тех пор он почти не вставал с постели, несмотря на лечение. Никифор раз в неделю приезжал к родителям домой и нередко оставался там на ночь, чем всегда радовал Григория, возвращая инвалиду интерес к жизни.

Работал же майор Сомов следователем в Следственном комитете по особо важным делам (таких следователей называли важняками) и знал много историй, которые брат выслушивал, здоровея на глазах. Поэтому отказываться от встреч Никифор не мог, хотя после каждой встречи ему приходилось на следующий день приводить свою нервную систему в порядок.

В отличие от брата, худого как скелет, хрупкого блондина, Никифор был высок, а взгляда его синих (не голубых, а именно синих) глаз не выдерживали даже близкие друзья, хотя он, при всех нюансах должности и характера работы, не был таким уж строгим или жёстким, обладая при этом твёрдым и требовательным характером.

С семьёй у него не сложилось. Женщины встречались, с некоторыми он даже поддерживал отношения какое-то время, однако в конце концов расставался, обнаружив, что им не по пути. Ему нравились не просто красивые девушки (как и большинству мужчин, чего греха таить),

но преимущественно умные и, что немаловажно, женщины с опытом. Он ценил дам с возрастом под сорок, и этому было объяснение. Сорокалетние знали, что такое жизнь, что такое ухаживать за мужчинами, предугадывая их желания, и умели ждать желанной встречи, чтобы раскрыться и отдаться любви полностью.

Григорий, которому судьба отказала в переживаниях страстей (он тоже не был женат), не раз удивлялся:

— Неужели тебе не нравятся молодые девчонки?! Это же классно, обнимать такую!

— Не поверишь, — отвечал Никифор с улыбкой, — совсем юные меня не привлекают. Конечно, круто совместить свежесть тела с мудростью, но так не получается. Меня дико раздражают юницы, которые при встрече вдруг начинают хвастаться, что они спали «с самим Моргенштерном».

Вспомнил об этом разговоре с братом Никифор, когда ставил машину (электрический седан «Ауди Е-трон») на парковке за зданием СК на улице Строителей и заметил молодую женщину, выбиравшуюся из автомобиля «Мини Купер Е22» в десяти шагах от него. Незнакомка была одета в светло-синюю курточку-баон, открывающую синее платье, стройные ноги были обуты в сапожки цвета маренго. У женщины были длинные платиновые волосы и полные губы. Заметив взгляд следователя, она улыбнулась и поспешила к зданию, закинув на плечо синего цвета рюкзачок.

Никифор обратил внимание, что проходную, кстати, оборудованную металлоискателем, она прошла без задержек.

Гадая, где может работать такая симпатичная сотрудница (по едва уловимым признакам Никифор прикинул её возраст — лет тридцать пять), он поднялся за ней на второй этаж здания, но она пошла по коридору дальше, а он открыл дверь кабинета, где работал с соседом, капитаном Климчуком, уже четвёртый год.

Климчук, двадцатилетний опер, уже сидел за столом. Перед ним светился экран персонального компьютера.

— Слышал новость? — спросил он, привставая и протягивая руку для приветствия. — Китайцы начали строить лунную базу, к их станции на орбите Луны пристыковался грузовой корабль «Тяньгун-22».

— И чёрт с ними, — ответил Никифор, включая свой компьютер.

Климчук, худой, нескладный, но подвижный, обладающий обаятельной мимикой, рассмеялся:

— Не любишь китайцев? Или не интересуешься космосом?

— Ни то, ни другое.

— Ах да, ты же занимался делом космонавтов.

— Не космонавтов, а дельцами из центра подготовки космонавтов.

— Один хрен. А как к косоглазым относишься?

— Никак, хотя меня сильно напрягает их тихая агрессия в Сибири. Они там скоро организуют свой колхоз, скупая наши лесные угодья. Что касается космоса, отношение к нему поменялось после съёмок фильма. Я даже где-то читал в Сети, что наметилось снижение притока

студентов в учебные заведения, выпускающие космонавтов инженерных специальностей.

— Да, это проблема, — согласился Климчук. — Я не большой фанат космонавтики, и то мне обидно, что у людей пропадает интерес к изучению космоса. А ведь потеря интереса к познанию мира, как метко говорил какой-то академик, ведёт к ураганной деградации общества, а потом и вообще к ликвидации цивилизации.

— Верно замечено. — Никифор бегло ознакомился с почтой и вывел на экран перечень неотложных задач, которые должен был решать.

— Кстати, чем закончилось твоё дело с центром подготовки космонавтов?

— Посадили троих.

— Эффективные менеджеры?

— Эффективно воровали, причём по-крупному, если учесть кражу технологий подготовки.

Климчук кивнул:

— Человеческий фактор — он и в Африке человеческий фактор, и среди космических менеджеров. Я имел в виду, что тебе часто достаются дела с научной тематикой.

— Наверное, потому что я кончал физмат МГУ.

Разговор иссяк, началась работа, и следовательно перестали отвлекаться.

Однако через несколько минут в ухе Никифора пискнула клипса айфона, и голос начальника отдела Баринаова попросил его явиться пред светлые очи полковника.

Пришлось идти.

В кабинете Баринаова следователь бывал не раз, и ему нравился аскетичный вид помещения:

ничего лишнего, никаких декоративных изысков, дополнительных шкафов или картин по стенам; нравились и его запахи, основным из которых был запах хвои.

Полковнику Баринову пошёл пятьдесят четвёртый год, выглядел он «обыкновенным лесорубом», как его оценивал приятель Никифора Слава Вяткин, тоже следователь, но из другого подразделения — финансового контроля. Однако простоватое лицо полковника с носом картошкой и разъехавшимися, как олады, губами никого не должно было вводить в заблуждение. Кирьян Валерьевич Баринов был строг, категоричен и требователен, хотя никогда не повышал голос на подчинённого. Ему неведомо было чувство гнева, он был бескорыстен по сути своей и служил делу верой и правдой, всегда выбирая последнее из вечных противоречий человека «я хочу» и «я должен».

Никифор встал по стойке «смирно».

— Садись, — буркнул полковник, отворачиваясь от экрана компьютера. — С поставщиками разобрался?

Никифор сел.

— Ещё нет, заканчиваю.

Речь шла об уголовном деле с поставщиками некачественной продукции микросхем из Белоруссии.

— Отставь на пару дней. Сегодня утром, если точнее, час назад, был найден мёртвым в Дубне, на остановке автобуса на улице Ленинградской, доктор физико-математических наук Истомин Глеб Лаврентьевич. Знал такого?

Никифор помолчал.

— Слышал, но лично не знаком.

— Отвезён в морг на улице Черкасова. Первоначальный вывод медэксперта МВД — приступ сердечной недостаточности. Но есть нюансы. Съезди и разберись.

— Институт? Какой? — спросил Никифор, зная, что протестовать бесполезно. — Физических лабораторий много.

— ОИЯИ.

Никифор кивнул. Аббревиатура ОИЯИ расшифровывалась как «Объединённый институт ядерных исследований».

— Что за нюансы?

Баринов покосился на экран.

— Его работа засекречена, но ты физик, должен сообразить что к чему, вот и действуй.

— Извините, тема работы? Я не расслышал.

— А я ещё не сказал, — сухо усмехнулся начальник отдела. — Что-то такое вроде исследования воздействия на энтропию. Уточнишь на месте.

Никифор с любопытством проследил за мимикой Баринава.

— Это что-то новенькое. При мне энтропией напрямую никто не занимался. И как долго доктор работал над темой?

— Выясни в институте. Советую сначала поговорить со свидетелями, которые ещё находятся в районном отделении полиции, и навестить морг. Дальше сам.

Никифор с любопытством проследил за мимикой Баринава. Показалось, что начальник отдела чего-то недоговаривает.

— Разрешите идти?

— Вечером доложишь.

— Меня могут не пропустить в институт, если работа засекречена.

— Получишь соответствующий допуск.

Никифор кивнул и вышел, сопровождаемый взглядом полковника, сосредоточенного на каких-то мыслях.

Ехать на служебной машине в Дубну не хотелось принципиально. Парк головного офиса СК недавно пополнился дронами и воздушным таксопарком, и Никифор воспользовался этим обстоятельством, тем более что время торопило. Наскоро собравшись, он убедился в получении свидетельства особых полномочий (айфон выдал ему скриншот документа и QR-код), и уже через пятнадцать минут четырёхвинтовой аэрокоптер доставил его в подмосковный город, высадив во дворе дома номер десять на улице Ленинградской.

Этот вид воздушного транспорта ещё не стал суперпопулярным, поэтому посадка следователя собрала небольшую толпу зевак.

При посадке от аэромобиля шараянулся какой-то сухонький старичок, и Никифор, выскочив из кабины, помог ему подняться.

— Извините, ради бога.

Старичок улыбнулся, кривя морщинистое лицо и рассматривая коптер.

— Как же далеко мы ушли от будущего!

— Почему ушли? — не понял следователь. —

Наоборот, всё ближе подвигаемся к будущему.

Старичок покачал головой:

— Эх, мил человек, наше будущее кончилось с распадом Союза, в тысяча девятьсот девяно-

сто первом году. И уже не вернётся. А то будущее, которое нам подсовывают, хуже библейского ада! Я-то уже отжил своё, а вам жить да жить с машинами.

— Это хорошая машина. — Никифор кивнул на аэромобиль.

— Я имел в виду машину в голове. — Старичок поспешил прочь.

— Вас ждате? — вежливо спросил пассажира молодой водитель Паша, обладавший модно выбритым виском.

— Да, отсюда полетим в морг, а потом в институт, — решил Никифор, озадаченный выплеском эмоций старого человека.

На стоянке электробусов напротив дома его ждали двое полицейских из местного управления, одетые в обычные гражданские костюмы.

Отошли в сторону.

— Лейтенант Бережко, — представился один из них, верзила баскетбольного роста.

Никифор и сам был немаленького, отчего к людям выше себя относился уважительно.

— Майор Сомов, — протянул руку Никифор.

— Младший сержант Остапенко, — сказал спутник верзилы, широкий увалень с чёлкой льняных волос.

— Доложите по существу дела, — попросил Никифор.

Полицейские переглянулись.

— В общем-то, докладывать особенно нечего, — смущённо признался «баскетболист». — Человеку стало плохо, он присел на лавочку, — Бережко кивнул на прозрачную скобочку остановки с крышей и деревянной скамеечкой, — и умер.

Заметили не сразу, потому что подъехал автобус и толпа поспешила внутрь.

— Точное время?

— Примерно восемь ноль-пять. А у него к тому же и глаза остались открытыми, так и сидел, опираясь на стенку. Только когда его заделали, он упал.

— Свидетели были?

— Дождались нас только двое, всё рассказали, и мы их отпустили.

— Кто свидетели?

— Да вот у нас записано. — Верзила протянул Никифору планшет. — Они, кстати, и вызвали полицию и «Скорую». Мы приехали чуть позже, когда «Скорая» собиралась везти умершего в морг. Нам велели дожждаться вас.

Никифор вспомнил о нюансах, о которых предупреждал Баринов.

— Никаких странностей не заметили?

— Что вам сказать, товарищ майор. Вроде бы обычное дело, сердце, наверно, инфаркт.

— И всё же напрягитесь, подумайте, это ещё непротивозаконно.

Полицейские снова обменялись взглядами, помялись.

— Свидетель, он, кстати, оказался соседом умершего, сказал, что Истомин очень резко постарел, — сказал лейтенант. — Вот координаты соседа: Ленинградская, дом десять, квартира сто девятнадцать. А Истомин живёт в сто двадцать первой.

— Больше он ничего не сказал? Кто он?

— Сергей Курков, автомеханик, работает на сервисе «Рольф». На вид лет пятьдесят, серьёз-

ный мужик. Говорит, видел Истомина недавно, на прошлой неделе, и тогда тот был чуть ли не на двадцать лет моложе.

Никифор присвистнул:

— На двадцать?

— Так точно, он тоже был удивлён, грит, даже не сразу узнал. Вот мы и решили позвонить в вашу контору, у вас много хороших следаков.

— Записали?

Лейтенант подал планшет Никифору.

Он переписал материалы дознания к себе на айфон, вернул планшет полицейскому.

— Что у него было с собой?

— Стандартный набор: зажигалка, портмоне, ручка, очки. Ключ от квартиры. Смарт.

— Плюс флешка, — добавил напарник.

— Флешка?

Лейтенант достал из кармана пластиковый пакетик, в котором лежали личные вещи умершего.

— Здесь всё, в том числе ключи от квартиры и от подъезда, мы решили отдать вещи начальству.

— Почему не родственникам Истомина?

— По нашим данным, у него нет детей, жена умерла, как и родители, человек жил один.

Никифор взял пакетик.

— Вещи побудут у меня. Молодцы, правильно работаете, шепну вашему начальству при случае.

Сомов пожал руки полицейским и вернулся к аэрокоптеру — красиво упакованной машине с четырьмя спрятанными в кольцах винтами.

ДУБНА

Десять часов утра

Мысль забежать на квартиру умершего учёного, перед тем как лететь в морг, тем более что Никифор в этот момент был во дворе его дома, пришла в ту секунду, когда он подходил к окружённому толпой мальчишек коптеру.

— Летим? — полез в кабину пилот.

— Подождите ещё пару минут, загляну к нему домой. Хочу удостовериться, что в квартиру никто не залез.

Квартира Истомина располагалась во втором подъезде.

Как все многоэтажки нынешнего времени, дом находился под охраной домофонной системы, поэтому пришлось искать в пакете замковый чип.

Никифор поднялся на лифте на шестнадцатый этаж, осмотрел обитую коричневым материалом дверь, убедился, что она закрыта, отпер, вошёл, и ему показалось, что он с тихим треском — словно лопнул маленький воздушный шарик — продавил телом некую невидимую плёнку. Замер на мгновение, прислушиваясь. Звук не повторился. Подумалось, что это, наверно, сработала система охранной сигнализации, но позже стало понятно, что квартира не стояла на охране, несмотря на наличие в ней дорогостоящих вещей. Шагнув в прихожую, он ощутил волну свежести (пахнуло озоном) и холодный воздух. В квартире было хо-

лодно, не больше двенадцати-четырнадцати градусов.

Прихожая оказалась большой, по форме близкой к длинному изогнутому эллипсоиду. Вообще на своём веку Никифор перевидал немало прихожих, но эта поразила и формой, и присутствием книжных полок и приборных панелей, заменяющих антресоли и опоясывающих всю квартиру (как оказалось) поверху.

Следователь принялся: пахло старым деревом, пластиком, металлом, настоем трав, и все эти запахи пронизывали струи озона, создавая впечатление включённой электрической подстанции.

Пыли он не обнаружил, квартира учёного была чуть ли не вылизана, блистая немислимой чистотой, и при этом было видно, что Истомин жил один. Никифор и сам, в общем-то, находился в таком же положении, наведя дома только ему необходимый порядок и комфорт, поэтому с интересом присмотрелся к интерьеру квартиры известного физика, находя в нём знакомые комбинации мебели, а также личностные предпочтения владельца.

Таких насчиталось немало, что объяснялось привычками человека, прожившего в одиночестве десятки лет. Но главными отличиями, несомненно, были, во-первых, старые вещи типа комода возраста хрущёвского градостроительства и наличие аппаратуры, больше приличествующей физической лаборатории или ремонтной мастерской.

Никифор с некоторой опаской обошёл помещения, вдоль стен которых стояли осцилло-

графы, радиогенераторы и аппаратные стойки неизвестного назначения. Осмотрел антресоли, больше напоминающие приборные панели с мигающими индикаторами, и ознакомился с необычного вида установкой, свисающей с потолка наподобие сложной стеклянно-металлической люстры. Люстра была подключена к панели на стене десятком кабелей и тихо шипела вентиляторами охлаждения, покрытая бегающими по ней крошечными электрическими молниями-спиральками.

— Это я удачно зашёл, — пробормотал Никифор, вспомнив советский киношедевр «Иван Васильевич меняет профессию». — Чем он тут занимался?! Это же целая подпольная лаборатория!

На панели метнулись световые стрелы, и тихое пение приборов и вентиляторов изменилось, стало басовитым. По антеннам установки проскочили электрические змейки большего размера.

Никифор невольно отступил, озадаченный реакцией неведомого аппарата. Посмотрел на метрового размаха экран компьютера, стоявший рядом со столом на отдельном пенале. Было видно, что новенький «Эльбрус» работает в спящем режиме. Но подходить и включать его следовательно не решился. Подумал сделать это позже, после всех знакомств и церемоний.

Оглядев спальню, внутри которой никаких сюрпризов не обнаружилось, он осторожно вернулся в гостиную и вышел, ещё раз озадаченно пережив ощущение пробитого телом слоя невидимого стекла. Покачал головой, осудив владельца за отсутствие сигнализации. Судя по количеству работающих устройств в квартире умерше-

го, ценных вещей и материалов тут находилось предостаточно, и они вполне могли стать добычей вора.

Постояв несколько секунд, прислушиваясь к своим ощущениям, посмотрел на часы: он пробыл в квартире Истомина минут пятнадцать. Нахмурился, подумав, что пилот аэрокара, наверно, заждался. Спустился во двор.

— Так быстро? — удивился пилот. — Успели хоть глянуть?

— Что значит — быстро? — ответно удивился Никифор. — Наоборот, извини, что заставил ждать так долго.

Пилот озадаченно глянул на запястье.

— Вы отсутствовали ровно четыре минуты.

— Не может быть! — Никифор не менее озадаченно посмотрел на свой хронометр, включающий тонометр, счётчик кровяного давления, дыхания и температуры. — Я был в квартире Истомина не меньше четверти часа!

— Тихо! — рывкнул пилот на мальчишек. — Галдите как стадо обезьян! Извините, товарищ майор, но мои часы идут правильно. Да и мобильный не врёт.

Пилот показал экранчик айфона, на котором горели цифры: десять ноль-четыре.

Никифор вынул свой мобильный.

Экран выдал цифры: десять двадцать.

— Странно... Что за хрень? Часы испортились?

— Вместе с мобильником?

Никифор вспомнил о своих ощущениях, когда он входил и выходил из квартиры Истомина.

— Ладно, разберёмся, поехали.

Коптер мягко оторвался от асфальта, сопровождаемый хором весёлых криков малышни. Через десять минут Никифор входил в одноэтажное строение морга, пристыкованное к главному корпусу больницы.

Показав на входе экранчик айфона, высветивший удостоверение офицера Следственного комитета, он прошёл в глубь здания, ещё раз протянул удостоверение вышедшему навстречу мужчине в голубом халате и маске, вытиравшему руки салфеткой.

— Слушаю вас.

— Майор Сомов. Покажите мне поступившего к вам полтора часа назад человека по фамилии Истомина.

— Труп, — флегматично поправил его медик.

Никифор продолжал молча ждать, и сотрудник печального заведения, пропитанного запахами формальдегида и химических реактивов, повёл гостя в зал, где на десятке столов лежали накрытые простынями тела.

Служитель, оказавшийся медэкспертом по фамилии Толмачевский, откинул одну из простыней.

Никифор увидел бледное до синевы лицо старика, которому можно было дать не меньше девяноста лет. Губы Истомина были изогнуты, словно он пытался улыбнуться перед смертью, но морщинистое лицо было спокойно, разве что с оттенком растерянности, как показалось следователю.

— Вот так живём, живём, — проговорил Толмачевский, — и вдруг — бац! — и конец. Что жил, что не жил, кто-то пожалеет, кто-то и не вспом-

нит. Раньше за порядком следили не в пример лучше, а дети так вообще отбились от рук.

Никифор терпеть ненавидел бесконечные философские рассуждения о смысле жизни и неизбежности смерти, которые так обожали люди определённого склада, однако сдержался, не настроенный портить медику настроение.

— Вскрывали?

— Так точно, недавно закончили.

— Что с ним?

Медик повернулся, чтобы выйти.

— Сейчас принесу заключение.

— Своими словами и покороче, пожалуйста.

— Извольте, причина тривиальна: астенический синдром, банальная остановка сердца в результате изношенности сосудов.

— Изношенности? Ему же всего слегка за шестьдесят, вполне репродуктивный возраст. Мужики в шестьдесят детей заводят.

— Если честно, меня это тоже удивило. Сосуды и сердце в таком состоянии, будто им больше восьмидесяти.

Никифор взгляделся в лицо учёного, унёсшего в могилу тайну своей жизни, приведшей его к резкому старению и смерти. Вспомнились слова полицейского, которому свидетель, сосед Истомина, признался в своём недоумении по поводу того, что умерший выглядит слишком старым. Что же случилось? Не мог же физик в один день постареть на добрых два десятка лет? И чем он занимался на работе? Может, это результат радиоактивного заражения? На каких органах это сказывается в первую очередь?

— Печень, лёгкие, почки? Простата?

— Почти без фрустраций, чисто старческие изменения. Он не просто выглядит на восемьдесят с хвостиком, ему и в самом деле восемьдесят.

— Притом что по паспорту ему шестьдесят. Медик развёл руками.

— Могу только предположить, что пациент пережил направленную трансформацию, за короткий срок прожив более двадцати лет. Так сказать, скрытое старение.

— Чем может быть вызвана направленная трансформация?

— Может быть, это свойство его генома, может быть, его заразили вирусом старения. Мы ещё многого не знаем о мозге, несмотря на последние достижения медицины, так что возможны удивительные варианты.

Никифор с любопытством посмотрел в глаза Толмачевского.

— Вирус старения? Не слышал о таком.

— Отдельно он не существует, но вы же знаете, ковид претерпел множество мутаций и направленно поражает органы человека в соответствии с заложенной в него программой.

— Вы считаете, что ковид создан искусственно?

— А вы разве нет? Это же очевидно, тем более что американцы сами сознались в том, что давно работали с вирусом, ещё до сброса его в Китае. Вот наш пациент и подхватил мутаген, ускоривший его старение. Но это лишь моё частное предположение. — Медик сделал многозначительную паузу. — Действительность может оказаться намного поразительней.

— Благодарю за помощь. — Никифор кинул задумчивый взгляд на лицо учёного и покинул последнее перед погребением прибежище мёртвых.

— В институт, — сказал он пилоту, не обращая внимания на прохожих, с интересом рассматривающих ещё не вошедшее в обиход транспортное средство, за которым было будущее.

ДУБНА

Объединённый исследовательский
ядерный институт

Десять часов тридцать шесть минут

Ядерный центр физики элементарных частиц в наукограде Дубна на базе международной научно-исследовательской организации, учреждённой восемнадцатью государствами, был создан в тысяча девятьсот пятьдесят шестом году. К настоящему моменту площадь центра выросла до трёх квадратных километров, на его территории были возведены такие значимые объекты, как синхротрон (он же — «Нуклотрон-М»), новый ускорительный комплекс, бустерный накопитель, ионный коллайдер NICA и множество других лабораторий, позволяющих российским учёным (и не только) создавать новейшие искусственные материалы и открывать элементарные частицы. Именно здесь были открыты сто второй элемент нобелий, сто пятый — дубний, сто пятнадцатый — московий, и оганесий — элемент

сто восемнадцать, близко подходивший к так называемому острову стабильности тяжёлых элементов, не имевших аналогов в природе.

Доктор физико-математических наук Истомин работал в «шестой группе» при лаборатории теоретической физики, как объяснили Никифору в бюро пропусков, когда он, полюбовавшись на четыре колонны, балкончик над дверью и две белые вазы с цветами у главного входа, вошёл в здание.

Центр ОИЯИ являлся мощным научным кластером и охранялся, наверно, не хуже, чем Центр обороны.

Чтобы войти в здание, надо было предъявить QR-код, а компьютеризированная система опознавания за пару секунд высвечивала на мониторе охраны фото гостя.

Никифор подсунул под фотоглаз экранчик айфона с QR-кодом, и турникет мягко открыл бабочку дверцы.

Начальником лаборатории оказался пятидесятилетний физик, тоже доктор наук, Лебедев, обладатель крепкого торса, роскошной чёрной шеллуры, крупного носа и квадратных очков, увеличивающих глаза чуть ли не вдвое. Никифора он встретил в фойе главного корпуса и проводил в кабинет, за которым в левом крыле здания на первом этаже располагались помещения лаборатории.

Кабинет завлаба гостю не понравился, так как представлял, по сути, филиал лаборатории, загромождённый стойками, шкафами и какими-то приборами. Заметив взгляд следователя, Лебедев виновато облизнул губы.

— Извините, товарищ майор, мы тут меняем архитектуру всего комплекса. Приходится тесниться. Присаживайтесь.

Никифор сел на стул у хайтековского стола с прозрачной пластиной столешницы и металлическими ножками.

— Вам сообщили о смерти Истомина?

— Да, час назад.

— Что можете сказать об этом человеке?

— Мне очень жаль...

— Давайте обойдёмся без сантиментов, будьте добры. Над чем он работал в последнее время?

— Это секретная информация...

Никифор показал удостоверение особых полномочий.

Лебедев нервно поправил очки.

— Вряд ли вы...

— Я физик по образованию.

— Ну, тогда... Вам что-нибудь говорит формула Уилера — Деви́тта?

Никифор невольно улыбнулся.

Формулу Уилера — Деви́тта в среде физиков называли уравнением «конца времени», потому что она, выведенная для объяснения парадокса времени, самого времени не содержала.

— Пять групп преобразований, насколько я помню: с волновой функцией пси, с масштабным фактором, определяющим радиус Вселенной, плюс планковские петли, плюс скалярное поле, сыгравшее главную роль во время Большого взрыва...

— Плюс скалярный потенциал, запускающий инфляционное расширение Вселенной, —

с улыбкой закончил Лебедев. — Вы и в самом деле профессионал.

— Да какой там профессионал, — махнул рукой Никифор, — уже десять лет не занимаюсь физикой профессионально, служа Отечеству на другом поле. Но интересуюсь, конечно, всеми открытиями и достижениями, особенно в области космологии и теории всего. Будучи студентами, мы с приятелями долго спорили, будет ли она создана когда-либо.

— К сожалению, мы по-прежнему далеки от решения этой проблемы. Ближе всех к теории объединения всех физических сил подошла теория суперструн, М-теория, но и она не учитывает пока всех нюансов реальных взаимодействий.

Никифор снова вспомнил, что Баринов предупредил его о «нюансах». Интересно, начальник отдела знал что-то о теме работ Истомина или нет?

— Кстати, с какой стороны Истомин подходил к исследованию Уилера? Со стороны космологии или квантовой гравитации?

— Он начал разбираться, почему в этой формуле отсутствует фактор t , то есть время, хотя она как раз и определяет существование времени как фундаментального свойства Вселенной.

— И что же? К чему он пришёл?

— Он продолжил теоретические выкладки Ли Смолина и Джулиана Барбура¹ и просчитал новый подход к проблеме в необычной области —

¹ Американский и британский физики современности.

активное управление энтропией. Во всяком случае, так эта тема отражена в плане работ нашей лаборатории.

— Управление энтропией? — удивился Никифор. — Что за чушь? Каким образом энтропией можно управлять? Ведь второе начало термодинамики незыблемо: энтропия с течением времени только увеличивается, и даже жизнь, в какой-то степени уменьшающая энтропию локально, полностью с ней справиться не в состоянии.

— Глеб Лаврентьевич нашёл способ повернуть стрелу энтропии как раз на уровне локальности, в небольшом объёме, и продолжил работу, надеясь получить масштабную инверсию.

— Не понимаю.

Лебедев развёл руками.

— Даже мы не совсем понимаем его посыл. Термодинамика вместе со вторым началом не является фундаментальной физической теорией, а лишь выражает статистику поведения больших ансамблей частиц от самых малых — травинки и песчинок, до масштабных — галактик и их скоплений. А статистическое поведение совершенно безразлично к направлению как энтропии, так и времени. Если повернуть их стрелы обратно, плюс на минус, ничего не изменится, уравнения останутся идентичными.

— Это мне понятно. А замысел Истомина не понятен.

— Всё упирается в парадоксы причинности и необратимости. «После» — вовсе не значит «вследствие». Чисто логической причиной события может быть не только прошлое положе-

ние вещей, но и некая цель в будущем, понимаете?

— Нет, — честно признался озадаченный Никифор, наморщив лоб. — Вы хотите сказать, что Истомин нашёл что-то в будущем? То есть, по его мнению, не только прошлое оставляет следы в настоящем, но и будущее?

— Не так лобово, но в принципе верно.

— Метафилософия.

— Если хотите — да, метафилософия, но Глеб Лаврентьевич нашёл зацепку и трудился над воплощением своих идей на практике.

Никифор вспомнил работающий в гостиной учёного необычный аппарат в форме люстры.

— Он вам показывал результаты?

— Какие результаты? Это всего лишь теория, хотя и очень привлекательная, если учесть будущий практический выход.

Никифор озадаченно почесал в голове. Судя по интерьеру в квартире Истомина, физик занимался не только теорией, но и практикой. Интересно, почему он не делился своими достижениями с начальством института?

— Разрешите посмотреть его расчёты?

— Извините, нет, — виновато скривил губы завлаб. — Только с разрешения дирекции. Работа Глеба Лаврентьевича находится под протекторатом Министерства обороны. Даже мы не имеем права влезать в их сотрудничество.

— Вот как? С чего это теоретической работой Истомина заинтересовались оборонщики?

— Вопрос не по адресу. Глеб Лаврентьевич долгое время занимался своей темой без гособе-

спечения, дома, так сказать, потому что не было финансирования. Мы не могли включить тему в план исследований института, вынужденные к тому же бороться с конкурентами, пока военные не дали средства.

— Куда ж без конкурентов, — усмехнулся Никифор. — Я ещё не встречал учёного, который любил бы своих оппонентов. Каждый хочет пропихнуть свою тему.

— Меня эта борьба всегда огорчала, — с сожалением сказал Лебедев. — Как говорил Джон Рёскин¹: всякая истинная наука начинается с любви, а не с разбора своих собратьев, и кончается любовью, а не анализом существования Бога.

— Человек в массе своей сволочь — как говаривает мой непосредственный начальник, — хмыкнул Никифор. — И мой опыт работы доказывает это на тысячах примеров.

— Наука вне политики...

— Должна быть вне политики, а на деле она никогда не относилась к нравственному разделу деятельности человека.

— Не знаю, может быть, вам видней. Мы с трудом уговорили Глеба Лаврентьевича не уезжать за рубеж, как это делают молодые учёные. Он остался...

— И умер.

По лицу Лебедева прошла тень. Он снял, протёр очки (вовсе не вижн-систему, а обыкновенные, с увеличивающими линзами), водрузил на нос.

¹ Джон Рёскин (1819–1900) — английский писатель.